

Вышла книга «Писатель и вождь. Переписка М.А.Шолохова с И.В.Сталиным». — М.: Раритет, 162 с. 8 000 экз.

РАССКАЗЫВАЕТ СОСТАВИТЕЛЬ. Юрий Мурин, известный историк-архивист, публикатор немалого числа ранее «сов. секретных» материалов из личного архива И.В.Сталина.

— Юрий Григорьевич, расскажите, пожалуйста, что подтолкнуло к теме Сталин — Шолохов?

Импульсом стало то, что при жизни Шолохова не обнаруживалось ни одного внятного слова в печати о его взаимоотношениях со Сталиным, но после смерти то и дело печатается о том, что был верным-де прислугой правителя и режима. В поисках истины решил проверить по архиву. Интуиция не подвела — нашел письма. И начал с 1992 года по частям обнародовать их по научным журналам. Вдруг звонок — издательство «Раритет» предложило собрать все воедино, да с должным научно-справочным аппаратом, к тому же позаботилось, чтобы книга стала доступна одновременно и массовому читателю, и ученым, оно же снабдило книгу биографическим очерком, который воссоединял открытия в архиве с хроникой жизни и творчества.

— Что собой представляет эта книга?

— 29 документов: письма и записки Шолохова Сталину и ответные свидетельства отношения Сталина к обращениям. Кроме того, выписки из «Журнала посещений» — когда и с кем принимал вождь творца. Это 20 лет общения в наиболее сложные периоды истории страны — 1931—1950 годы. Отмечу — Шолохов инициатор переписки. От него шли опаснейшие по своей стратегической значимости темы: жуткие перегибы в коллективизации, голодомор того же времени и репрессии 1937—1938 годов.

— Как же выглядит писатель в переписке с вождем?

— Не боялся обличать не только краевые или районные органы партии и НКВД. Совсем немногие позволяли себе пытаться год за годом раскрывать глаза Сталину на чудовищные злоупотребления в стране.

— Какова же реакция Сталина на письма Шолохова?

— Истинно макиавеллиева. С одной стороны, к примеру, освободил трех друзей писателя, с другой — не «заметил», что Шолохов возвысил свой голос вообще против «инквизиторства», «порочности», «постыдности» (так выразился) репрессивной системы. Впрочем, обо всем не рассказать. Читайте саму книгу. Сердечно благодарен, что «КО» обнародует некоторые из нее извлечения.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ПИСЬМА

1. КАК ШЛА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ — из письма 1931 года:

«Тов. Сталин! В колхозах целого ряда районов Северо-Кавказского края создается столь угрожающее положение, что я считаю необходимым обратиться прямо к Вам... Таким «хозяйствованием» единоличнику не докажешь преимущества колхозов... Горько, т. Сталин! Сердце кровью обливается, когда видишь все это своими глазами...»

2. КАК ОРГАНИЗОВЫВАЛИ ГОЛОДОМОР — из писем 1932—1933 годов:

«...Колхозник рассуждал так: «В 1931 г. план мы выполнили с напряжением, и весной на семе-

на занимали у нас. А теперь, вместо обещанного в мае снижения, придется платить в два с половиной раза больше. Значит, хлеб заберут весь до зерна. Надо запастись!» И начали запастись, невзирая на постановления «Об охране общественной собственности».

«...На совещании с секретарями крайкомов Молотов заявил: «Мы не дадим в обиду тех, кого обвиняют в перегибах»... Овчинников (секретарь крайкома. — Ред.) громит районное руководство и, постукивая по кобуре с наганом, дает следующую установку: «Хлеб надо взять любой ценой! Будем да-

ными в краже у кулака крестьянами, а над десятками тысяч колхозников. Причем, как видите, с более богатым применением технических средств и с большей изощренностью.

«Слов нет, не все перемрут даже в том случае, если государство вовсе ничего не даст. Некоторые семьи живут же без хлеба на водяных орехах и на падалих с самого декабря месяца. А таких «некоторых» как раз большинство. Теперь же по правобережью Дона появились суслики, и многие решительно «ожили»: едят сусликов, вареных и жареных, на скотомогильники за падалью не ходят, а не

взяли и веник из камеры. Затем против одиночки Лугового поместили сошедшего с ума в тюрьме арестованного работника КПБ Гришина, и тот своими непрерывными воплями и криками не давал забыться и в те короткие часы, когда приводили с допросов. Не помогло и это, — перевели в карцер, но карцер особого рода, клоповник. В наглухо приделанной к стене кровати кишели, по словам Лугового, миллионы клопов. Ложиться на полу строжайше воспрещали. Лежать можно было только на этой кровати. Но освещение в камере было так искусно устроено (затененный свет), что вести

«...Почему не говоришь о Шолохове? Он же, блядь, сидит у нас! И сидит крепко. Контрреволюционный писакса, а ты его покрываешь?!» (цитируются угрозы следователя. — Ред.)

«...За пять лет я с трудом написал с полкниги... Вокруг меня все еще плетут черную паутину...»

5. КАК ПЫТАЛСЯ ОТСТОЯТЬ «ТИХИЙ ДОН» — из письма 1950 года:

«...В 12-м томе Ваших Сочинений опубликовано Ваше письмо тов. Феликсу Кону. В этом письме указано, что я допустил в романе «Тихий Дон» «ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др.»

«...Очень прошу Вас, дорогой товарищ Сталин, разъяснить мне, в чем существо допущенных мною ошибок».

РАССКАЗЫВАЕТ ИЗДАТЕЛЬ. Наши вопросы директору издательства «Раритет» и писателю Валентину Осипову.

— Как родилась мысль выпустить столь специфическое издание — переписку?

— Пытаемся очищать биографию российского классика-нобелевца от грубейших искажений, что накопились, и от былой партустремленности заставлять общество видеть Шолохова слугою режимов, и от нынешних политконъюнктурщиков, что сбрасывают великого творца с борта современности по приговору в «коллораборационализме» (такое словечко вычитал в одной солидной газете). Начали с публикации в «Альманахе исторических сенсаций» (1992), затем недавние издания — впервые без политкупюр «Они сражались за родину» (лично Брежнев ответствен за выхолащивание темы обличений довоенных репрессий) и моя книга «Тайная жизнь Михаила Шолохова... Документальная хроника без легенд».

— По нынешним временам весьма значительный тираж — 8 тысяч. Как удалось?

— Только благодаря благодарной поддержке Российского гуманитарного научного фонда и руководителей Союза реалистов, а также бескорыстной лепте Ассоциации социально-экономического сотрудничества Сев. Кавказа, АКБ «Краснодарбанка» и ПТК «РОСС». За продажу взяла авторитетный реализатор «Академия-Центр».

— Намерены ли продолжать Шолоховиану?

— Начинаю создавать Попечительский совет для того, чтобы выпустить обновленное собрание сочинений — впервые после кончины творца, где бы все три романа появились без купюр и том писем вырос бы втрое. Как писатель мечтаю закончить публицистическую книгу-обзор «Дело по обвинению писателя Шолохова» (прелюбопытнейшая картина, когда сопоставляешь с реалиями «аргументы и факты» любителей зачислить классика в плагиаторы).

Отлеживаются воспоминания «Михаил Шолохов в черных и светлых записях» (были знакомы с 1962 года, а впервые услышал его еще студентом). Нет, увы, денег на издание еще одного своего публицистического исследования «Тайна замысла при повторном изучении... Книга поиска подлинных фактов жизни М.А.Шолохова по связи с «Поднятой целиной» и понятием презумпции виновности» (пока обнародован лишь газетный вариант; «Российский фермер», 1995, № 1—29).

Публикацию подготовила М.ЧИГРИНЕЦ.

Открытия в личном архиве правителя — переписка за 20 лет: реставрируется биография писателя

вить так, что кровь брызнет! Дров наломать, но хлеб взять».

«...В Плешаковском колхозе два уполномоченных РК, Белов и другой товарищ, фамилия которого мне неизвестна, допытываясь у колхозников, где зарыт хлеб, впервые применили впоследствии широчайше распространенный по району метод «допроса с пристрастием». В полночь вызывали в комсод, по одному, колхозников, сначала допрашивали, угрожая пытками, а потом применяли пытки: между пальцев клали карандаш и ломали суставы, а затем надевали на шею веревочную петлю и вели к проруби в Дону топить.

«...В Грачевском колхозе уполномоченный РК при допросе подвешивал колхозниц за шею к потолку, продолжал допрашивать полуживых, потом на ремне вел к реке, избивал по дороге ногами, ставил на льду на колени и продолжал допрос.

«...В Вацаевском колхозе колхозницам обливали ноги и подолы юбок керосином, зажигали, а потом тушили: «Скажешь, где яма? Опять подожгу!»

«...В Затонском колхозе работник агитколонны избивал допрашиваемых шашкой. В этом же колхозе издевались над семьями красноармейцев, раскрывая крыши домов, разваливая печи, понуждая женщин к сожительству.

«...Примеры эти можно бесконечно умножить. Это — не отдельные случаи загибов, это — узаконенный в районном масштабе — «метод» проведения хлебозаготовок.

«...Помните ли Вы, Иосиф Виссарионович, очерк Короленко «В успокоенной деревне»? Так вот такое «исчезание» было проделано не над тремя заподозрен-

так давно пожирали не только свежую падаль, но и пристреленных сапных лошадей, и собак, и кошек, и даже вываренную на салотопке, лишенную всякой питательности падаль...»

3. КАК ОБЛИЧАЛ ПОЛИТИКУ РЕПРЕССИЙ — из писем 1937—1938 годов:

«...В крайком, в ЦК посыпались клеветнические заявления на Лугового, меня и других коммунистов.

«...С 1936 г. дело пошло быстрее. Подвернулся случай расчитаться с нами простым и безопасным способом — началось по краю выкорчевывание врагов.

«...Лугового с момента ареста посадили в одиночку. Допрашивали следователи Кондратьев, Григорьев и Маркович. Метод изнурения заключенного был тот же, но с некоторыми отступлениями. Так же допрашивали по несколько суток подряд, сажали на высокую скамью, чтобы ноги не доставали пола, и приказывали не вставать в течение 40—60 часов, потом давали передышку в два-три часа и снова допрашивали. Луговой выстаивал по 16 часов, руки по швам, перед следовательским столом. К вариациям допроса можно отнести следующее: плевали в лицо и не велели стирать плевков; били кулаками и ногами, бросали в лицо окурки. Потом перешли на более утонченный способ мучительства: сначала лишили матраца на постели, на следующий день убрали из одиночки кровать; чтобы предохранить больные легкие от простуды, т.к. лежать надо было на голом цементном полу (Луговой болен туберкулезом), он подстилал под спину веник, —

борьбу с клопами было абсолютно невозможно. Через день тело покрывалось кровавыми струпьями, и человек сам становился сплошным струпом. В клоповнике держали неделю, затем снова в одиночку. Вымогание ложных показаний, «подавление психики» арестованного достигалось и таким путем: среди ночи в камеру приходил следователь Григорьев, вел такой разговор: «Все равно не отмолчишься! Заставим говорить!»

«...Страшный тюремный режим и инквизиторские методы следствия... Такой метод следствия, когда арестованный бесконтрольно отдается в руки следователей, глубоко порочен... Надо покончить с постыдной системой пыток...»

4. КАК ПИСАТЕЛЮ ЖИЛОСЬ — из писем 1937—1939 годов:

«...Летом 1936 г. они стали посылать на мое имя и на имя моей жены гнусные анонимки, порочащие меня как коммуниста и человека.

«...Евдокимов (секретарь крайкома. — Ред.) с необъяснимой злобой всенародно обрушился на Лугового и начал орать: «Что ты мне болтаешь о какой-то опале! Вы в Вешенской богему создали! Шолохов у вас — альфа и омега! Камень себе поставьте и молитесь на него! Пусть Шолохов книжки пишет, а политикой мы будем заниматься без него!» и пр. в этом же роде.

«...Через некоторое время Тимченко (нач. РОНКВД. — Ред.) заявил мне, что ему придется арестовать Шолохова В. — моего родственника, комсомольца с 1924 г., работавшего директором Еланской средней школы.